

6. Палеолог, М. Дневник посла / М. Палеолог. – М.: Захаров, 2003. – 829 с.
7. Рабинович, А. Большевики приходят к власти. Революция 1917 года в Петрограде: пер. с англ / А. Рабинович. – М.: Прогресс, 1989. – 416 с.
8. Рид, Дж. Десять дней, которые потрясли мир / Дж. Рид; пер. с англ. А. Ромма. – М.: Художественная литература, 1987. – 351 с.
9. Фурсов, А.И. Русская власть, Россия и Евразия / А.И. Фурсов // Русский интерес. – М.: Тов-во научных изд. КМК, 2015. – С. 98-181.
10. Фурсов, А. Большая война XX века / А. Фурсов [Электронный ресурс] // Андрей Фурсов: видео, пресса, работы, форум, поиск. – Режим доступа: http://andreyfursov.ru/news/bolshaja_vojna_khkh_veka/. – Дата доступа: 30.05.2016.
11. Фурсов, А. «По-над пропастью, по самому краю». Февральский переворот в русской и мировой истории / А. Фурсов // Наш современник. – 2017. – № 2. – С. 160–182.

РЕВОЛЮЦИОННЫЙ ПЕТРОГРАД И МОГИЛЕВ В ОКТЯБРЕ-НОЯБРЕ 1917 ГОДА: СМОЛЬНЫЙ ПРОТИВ СТАВКИ

Сидоренко Б.И.

г. Могилев, БИП

После октябрьского переворота 25.10.1917 г. в Петрограде большевики, осознавая непрочность своих позиций и озабоченные проблемой собственной легитимности, получили возможность претворения в жизнь своих программных документов, принятых на II Всероссийском съезде Советов. Основные положения этих документов в области внешней политики озвученные еще в «апрельских тезисах» и затем воплощенные в «Декрете о мире» помогли большевикам завоевать определенные позиции в армии и на флоте и были внешне привлекательными для широких народных масс. Помимо этого, в число первоочередных задач, обозначившихся после переворота, стала ликвидация, либо большевизация и силовое подчинение тех государственных и общественных структур, которые были способны организовать реальное сопротивление, и вокруг которых могла произойти широкая консолидация антибольшевистских сил в полосе Западного и Северного фронтов и прифронтной зоне оперативного тыла.

Наиболее последовательной, влиятельной и организованной структурой, стоявшей на пути реализации большевистской внешне-политической программы по выходу России из войны и заключению сепаратного мира с Германией, выступала Ставка Верховного главнокомандующего. О том, как выстраивались взаимоотношения Смольного и Ставки в первые недели после переворота в Петрограде и, какая роль при этом отводилась Могилеву и пойдет речь в этой статье.

Ставка Верховного главнокомандующего, как орган высшего армейского полевого управления и места пребывания главнокомандующего вооруженными силами России, с 21.8. 1915 г. обосновавшаяся в губернском Могилеве, выступала естественным противником заключения сепаратного мира с Германией. В современной российской, [8, с. 984-989] белорусской [9, с. 24-26; 6, с.26-27] и западной [16, с. 78] историографии, для которой характерен взгляд на события 1917 г. в истощенной войной России как на «революцию вообще», Ставке отводится совсем немного места, хотя это была первая по времени высшая военная структура, сразу же ставшая на путь открытого активного антибольшевистского сопротивления. Внешнеполитический аспект событий, предшествовавший заключению Брестского мирного договора, и роль и место в них Ставки Верховного главнокомандующего также рассмотрен недостаточно полно [13, с.79-80]. Тенденциозно подобранные документы из известных сборников [3; 5; 7] и справочных юбилейных изданий [4] прошлого века, на которых выстраивалась источниковая база исследований посвященных Октябрю, отводили Ставке в тех событиях сугубо негативную, хотя и незначительную роль.

На 1.11.1917 г. в состав Ставки входило 15 управлений, 3 канцелярии, 2 комитета и более 2 тыс. военнослужащих [14, с.421-422]. Ставка имела реальный политический вес, в то время как власть большевиков легализовал пока еще только II Всероссийский съезд Советов, но не Учредительное собрание и сами большевики по тактическим соображениям делали первые шаги под знаменем демократии, а не малопонятного для народа «социализма» [8, с. 985-986]. Ставка могла рассчитывать на пока еще верные ей воинские части, власть же большевиков распространялась на столицу, и их влияние в армии не было подавляющим. Иными словами, власть была в центре, на местах же – самовластие и произвол, но в

Могилеве Ставка, все же, исполняла роль стабилизирующего фактора и вместе с Могилевским Советом не позволяла ситуации в городе окончательно скатиться к самоуправству. В небольшой период между II и III Всероссийскими съездами Советов реальной власти в стране не существовало. Совершенно естественно, что в тех конкретных условиях именно голодная, разъяренная солдатская масса, лишь в незначительной степени направляемая большевиками и анархистами задавала тон на Западном фронте [2, с.46]. Наконец, при Ставке действовали военные миссии и находились представители стран-союзниц Антанты, т.е. имелся постоянный канал связи с правительствами ряда союзных европейских государств, прежде всего Великобритании и Франции, на дипломатическую помощь и антибольшевистский демарш которых можно было надеяться с полной уверенностью. Кроме того, в непосредственной близости со Ставкой, в Быхове, находились под арестом популярные в офицерской среде генералы Л.Г. Корнилов, А.И. Деникин, А.С. Лукомский, И.П. Романовский, С.Л. Марков, И.Г. Эрдели – будущие организаторы и зачинатели «белого движения». Все это свидетельствует, что в первые дни после переворота Ставка выступала естественным очагом антибольшевистского сопротивления и главной угрозой первым внешнеполитическим начинаниям двухпартийного ВЦИК и большевистского СНК.

Хотя народ не разглядел в падении кабинета А.Ф. Керенского особой катастрофы, в Могилеве известие о большевистском перевороте было встречено откровенно враждебно. Прибывший из Петрограда председатель Могилевского Совета крестьянских депутатов Гольман на заседании Совета 27 октября охарактеризовал события в северной столице, как «авантюру большевиков». Направленный лично Лениным в Могилев с большевистской литературой уроженец Могилевской губернии Кирилл Новиков 29 октября явился в Могилевский Совет, но вместо теплого приема встретил предложение «удалиться из города». На вокзале ленинского представителя задержала полиция, и только заступничество солдат спасло его от ареста и конфискации литературы [15, с. 26-28].

На состоявшемся 28.10. (10.11) 1917 г. в городе чрезвычайном совещании общественных и политических организаций и.д. губернского комиссара ГИ. Певзнер заявил: «События приняли определенный характер: сообщения гласят, что временное правительство

арестовано, и все правительственные учреждения в Петрограде заняты большевиками. Создалось невероятное положение, на которое все граждане обязаны реагировать, ибо мы имеем дело здесь с преступным замыслом, могущим иметь своим последствием гибель всей революции, причем, если события эти получат логическое завершение, то и цельность России как государства... Нам необходимо сейчас определить линию своего поведения, причем органы революционной демократии должны сказать свое слово, должны сказать его те, кто пользуется авторитетом в рядах армии – советы рабочих и солдатских депутатов и советы крестьянских депутатов. Их отношение к событиям, безусловно, отрицательное, что они и высказали уже, причем Могилевский совет рабочих и солдатских депутатов сегодня же подтвердил эту резолюцию, приняв при этом ряд мер к тому, чтобы течение жизни в городе не нарушалось ни справа, ни слева» [12, с. 177]. Могилевский Совет от переворота в Петрограде дистанцировался, а центральное должностное лицо Ставки – начальник Штаба Верховного главнокомандующего (9.(22).09 – 3.(16).11.1917), а затем Верховный главнокомандующий (3 – 9(16 – 22) 11. 1917) Н.Н. Духонин, по одним данным заявил о своем нейтралитете, [8, с. 985] а по другим – уже 26.10.(8.11.) 1917 г. вместе с комиссаром Временного правительства при Ставке В.Б. Станкевичем призвал армию выступить против большевиков [14, с. 422].

К концу октября – началу ноября 1917г. в Могилеве обосновался цвет российского истеблишмента – бывшие члены Временного правительства: министр иностранных дел П.Н. Миллюков, военный министр А.И. Верховский, министр труда М.И. Скобелев, меньшевистские и эсеровские лидеры В.М. Чернов, И.Г. Церетелли, А.Р. Гоц, Б.О. Богданов, Н.Д. Авксентьев, активизировались действующие при Ставке Общеармейский комитет и Комитет спасения Родины. 7 ноября В.Б. Станкевич созвал в Могилеве совещание представителей буржуазных и мелкобуржуазных партий, земских и городских дум и управ, генералитета, офицерства и бывших членов Временного правительства, на котором было принято решение о создании нового правительственного органа во главе с эсеровским лидером В.М. Черновым [12, с.166-167].

Однако, центральной фигурой тех драматических событий оказался Верховный главнокомандующий русской армии генерал

Н.Н. Духонин. Его политическая ориентация не вызывала сомнений, хотя находятся историки, которые искренне считают, что Советская власть «давала Духонину последний шанс послужить родине и народу» [10, с.27]. Тем временем, еще 5.11.1917 г. «Декрет о мире» был переведен на немецкий язык, доставлен на линию Северного и Западного фронта и начал распространяться среди солдат противника. В той сложной исторической обстановке это был главный выигрышный политический лозунг большевиков. В конце жизни Ленин еще раз подчеркивал: «В 1917 г. в чем был весь гвоздь? В выходе из войны... и это покрывало все» [8, с. 975]. В ночь с 7 на 8.11 (с 20 на 21) 1917 г. Духонину от имени председателя СНК Ленина, наркома иностранных дел Троцкого и наркома по военным и морским делам Н.В. Крыленко по прямому проводу поступило предписание о немедленном начале переговоров с немецким командованием о заключении перемирия и информировании СНК о их ходе и продвижении. При этом подчеркивалось, что Верховный главнокомандующий мог подписать акт перемирия только с предварительного согласия Советского правительства [10, с. 27; 4, с. 42-43]. Прошли сутки, но ответа из Ставки не последовало.

9(22).11. в 2 часа ночи теперь уже Ленин, Сталин и Крыленко вновь пытаются вызвать Ставку. На этот раз разговор по прямому проводу с главкомверхом Духониным состоялся. Имеет смысл привести его основное содержание полностью. «— Если можете, то скажите: получена вами радиограмма Совета Народных Комиссаров, посланная в 4 часа, и что сделано во исполнении предписания Совета Народных Комиссаров?»

Ставка отвечает: Была получена телеграмма государственной важности без номера и без даты, почему генерал Духонин запросил генерала Маниковского о необходимых гарантиях подтверждающих подлинность телеграммы» [5, № 6, с. 17]. На требование немедленного и безоговорочного налаживания переговоров Духонин отвечал: «Я могу только понять, что непосредственные переговоры с державами для вас невозможны. Тем менее они возможны для меня от вашего имени. Только центральная правительственная власть, поддержанная армией и страной, может иметь достаточный вес и значение для противников, чтобы придать этим переговорам нужную авторитетность, для достижения результатов. Я также считаю, что в интересах России заключение скорейшего всеобщего мира. —

Отказываетесь ли вы категорически дать нам точный ответ и исполнить нами данное предписание? – Точный ответ о причинах невозможности для меня исполнить вашу телеграмму я дал и еще раз повторяю, что необходимый для России мир может быть дан только центральным правительством. Духонин» [3, № 104, с. 128].

Разговор со Ставкой полностью прояснял позиции Духонина и уже на следующий день на заседании ВЦИК Ленин заявил: «Для нас было ясно, что мы имеем дело с противником народной воли и врагом революции. Со стороны Духонина были разные увертки и уловки с целью затянуть дело. Выражали сомнение в подлинности нашей телеграммы, и с запросом о ее подлинности обращались не к Крыленко, а к генералу Маниковскому. Таким образом генералы украли, по крайней мере, сутки в таком важном и насущном вопросе, как вопрос о мире» [11, № 64, с. 87].

Союзники, в свою очередь, прилагали все усилия для того, чтобы Россия не смогла выйти из войны. Они в частности через начальников военных миссий при Ставке продолжали считать Духонина, уже смещенного Советским правительством, главкомверхом и 10(23).11. обратились к нему с протестом по поводу нарушения договора от 23.08(5.09) 1914 г. по которому союзные державы обязались не заключать сепаратного мира или перемирия с противником. Страны союзной Антанты, их дипломатические и военные представители в Петрограде, при Ставке русских войск в Могилеве, в штабах армий Северного и Западного фронта знали о многочисленных мирных предложениях петроградского правительства, но делали вид, будто это их не касается. Официальные лица союзных государств продолжали считать Духонина Верховным главнокомандующим русской армии, а тот в свою очередь 15(28).11. вновь заявил, что перемирие или мир может заключить только «полномочная центральная власть».

17(30).11. Троцкий вторично предложил союзным державам присоединиться к мирным переговорам, а на следующий день от имени внешнеполитического ведомства СНК опубликовал заявление по поводу обращения М. Керта и Ж. Лаверня с официальными документами к, смещенному за неповиновение Советскому правительству, Духонину. Авторы обращения позволили себе призвать Духонина вести политику, прямо противоположную той, какую ведет Совнарком в полном соответствии с решениями || Всероссий-

ского съезда Советов [5, № 12. с. 33; 10, с. 48]. 18.11 (1.12) Троцкого в Смольном посетил американский генерал У.В. Джедсон, предупредивший наркома иностранных дел, что союзники не смогут присоединиться к переговорам и не разделяют антивоенной позиции большевиков.

Пока дипломаты Антанты в Петрограде пикировались с большевистским СНК, в Могилеве происходила постепенная поляризация политических сил. 11(24).11. Общеармейский комитет при Ставке принял резолюцию: 1) власти СНК не признавать; 2) с большевистской властью вести жестокую борьбу; 3) как оперативно-технический орган Ставка остается нейтральной, а ее захват большевиками недопустим; 4) нейтралитет Ставки Общеармейский комитет будет отстаивать вооруженной силой. Солдаты же Северного и Западного фронта и гарнизона Могилева тяготели к большевикам, как выразителям идеи всеобщего справедливого мира и скорейшего окончания войны. Могилевский Совет рабочих и солдатских депутатов, состоящий преимущественно из меньшевиков, эсеров и бундовцев, возобновивший свою деятельность после корниловского мятежа, вначале заявил о поддержке Временного правительства, а затем занял выжидательную позицию.

Тем временем в Смольном решили покончить со Ставкой вооруженным путем. Для этого из Петрограда и со стороны Западного Фронта на Могилев направлялся отряд матросов и солдат. Отряд поступал под командование Крыленко, который 19.11 (2.12) находился в Орше. Отсюда в Могилев для переговоров наркомом Крыленко был направлен генерал С.И. Одинцов, который сумел убедить гарнизон города и охрану Ставки не оказывать вооруженного сопротивления. В свою очередь, Могилевский Совет под влиянием большевиков и левых эсеров, решил признать Советское правительство. 18.11. (1.12.) исполком Совета сформировал Могилевский ВРК, который взял власть в свои руки в городе и уезде. 20.11 (3.12) в Могилев прибыл Крыленко со своим личным штабом и немедленно направился в Ставку для вступления в должность.

Вскоре выяснилось, что еще утром 19.11 по распоряжению Духонина, пересланному в Быхов, полковником Кусонским были освобождены из-под охраны генералы Корнилов, Деникин, Марков, Лукомский, Романовский, Эрдели. При содействии начальника охраны Гришина и коменданта Быхова полковника Эдгарта, пере-

одетые генералы бежали на юг, где немедленно занялись организацией похода против Советской власти [15, с. 34]. Известие о бегстве генералов быстро распространилось по Могилеву и стало причиной самосуда солдатской толпы над Духониным. «После этого вдруг, – вспоминала могилевчанка М.Я. Белевская, – как по мановению волшебного жезла, сразу все смолкло, попряталось и город, живший шумной жизнью, замер. Все увидели, что пришла страшная сила, сила нечеловеческая и что нельзя жить так, как жили до сих пор. Могилевцы заперлись по квартирам, закрыв ставни и опустив шторы. Даже в домах стали говорить шепотом. А разъяренные матросы и красногвардейцы из петербургских рабочих ходили по городу, стреляли по окнам и наводя ужас на и без того уже перепуганного обывателя» [1, с. 42].

Революция в России неумолимо развивалась в сторону единовластия победивших радикальных сил [9, с. 20]. На первых порах эти силы определяла солдатская масса. Думается, правы те историки, которые утверждают, что «Гнев солдат постепенно разрастался до иррационального ожесточения и направлялся на тех представителей старого мира, в которых они видели причины своих бед, – помещиков и буржуазию, «буржуазную» интеллигенцию, соглашателей и более всего тех, кто гнал их на бойню, – генералов и офицеров» [2, с. 46].

В противостоянии Смольного и Ставки победил Смольный, но эта победа стала прологом к долгой кровопролитной гражданской войне, в которой в России по неполным данным погибло более 5 млн. человек. Что же касается Могилева, то отныне он фигурировал в солдатской среде как «Ставка Духонина». Отправить в «Ставку Духонина» означало в этой среде лишить жизни путем зверской расправы. Уже в эпоху социализма на всех исторических картах «Триумфальное шествие Советской власти» Могилев на красном фоне территорий, где в октябре 1917–марте 1918 г. возобладала власть большевиков, выделялся черным флажком, как центр контрреволюции, что означало для города недобрую славу.

Использованная литература

1. Белевская (Летягина), М.Я. Ставка Верховного Главнокомандующего в Могилеве 1915 – 1918. Личные воспоминания. Факсимильное издание. / М.Я. Белевская – Координатор проекта Н.А. Яцков «Справа», 2012. – 48 с.

2. Булдаков, В.П. На повороте. 1917 год: революции, партии, власть. История Отечества: люди, идеи, решения. Очерки истории Советского государства / Сост. В.А. Козлов, В.П.Булдаков – М.: Политиздат, 1991. – С. 5–48.
3. Великая Октябрьская социалистическая революция в Белоруссии. (Ред. кол.: Т.С. Горбунов, Ф.А. Новиков, И.С. Кравченко, Н. М. Мешков. А.И. Азаров) Сборник документов: в 2 т. Т. 2. – Минск: Государственное издательство БССР. Редакция политической литературы, 1957. – 1067 с.
4. Владимир Ильич Ленин. Биографическая хроника в 12 т. – Т. 5. – М.: Политиздат, 1974. – 740 с.
5. Документы внешней политики СССР / Комиссия по изданию дипломатических документов: А.А. Громыко и др. – Т I. – М.: Госполитиздат, 1957. – 771 с.
6. Ігнаценка, І.М. Кастрычніцкая рэвалюцыя на Беларусі / І.М. Ігнаценка // Беларускі гістарычны часопіс – 1997 – № 4 – С. 25–33.
7. Из истории установления Советской власти в Белоруссии и образования БССР. Документы и материалы по истории Белоруссии: в 5 т. Т. IV. – Минск: Изд-во АН БССР, 1954. – 513 с.
8. История России. С древнейших времен до начала XXI века. / А.Н. Сахаров, Л.Е. Морозова, М.А. Рахматуллин и др.; под ред. А.Н. Сахарова. – М.: АСТ: Астрель, 2011 – 1263 с.
9. История Беларуси: учебн. пособие для студентов, обеспечивающих получение высш. Образования: в 2 ч. Ч. 2 / Я.И. Трещенок, Н.М. Пурьшева, М.И. Матюшевская; под редакцией Я.И. Трещенка. – Могилев: МГУ им. А.А. Кулешова, 2005. – 310 с.
10. Ксенофонтов, И.Н. Мир, которого хотели и который ненавидели: Документальный репортаж. / А.Н. Ксенофонтов – М.: Политиздат, 1991. – 416 с.
11. Октябрьская революция и армия 25 октября 1917–март 1918: Сборник документов / под ред. Л.С. Гапоненко – М.: Наука, 1973. – 453 с.
12. Памяць: гіст. – дакум. хроніка Магілёва / Беларус. энцыкл. – Мінск: БелЭн, 1998. – 496 с.
13. Снапкоўскі, У.Е. Гісторыя знешняй палітыкі Беларусі: Вучэб. дапам. для студ. фак. міжнар. адносін: У 2 ч. Ч. 2. Ад канца XVIII да пачатку XXI ст. / У.Е.Снапкоўскі. – Мінск: БДУ, 2004 – 303 с.

14. Стаўка Вярхоўнага галоўнакамандуючага. Энцыклапедыя гісторыі Беларусі: у 6 т.– Мінск: БелЭн, – Т. 6. – Кн. 1. – 2001. – 591 с.

15. Филиппович, И.И. Могилев: Хроника событий 1917-1918 (по архивным и печатным материалам) – Могилев, 1995 – 132 с.

16. Эктон, Э. Новый взгляд на русскую революцию / Э. Эктон // Отечественная история. – 1997. – №. 5 – С. 68–89.

БЕЛОРУССКАЯ НАРОДНАЯ РЕСПУБЛИКА КАК СУБЪЕКТ МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ: КЛЮЧЕВЫЕ АСПЕКТЫ СОВРЕМЕННОГО ОСМЫСЛЕНИЯ

Стрелец М. В.

г. Брест, БрГТУ

Вопрос о международном статусе Белорусской Народной Республики (БНР) важно рассматривать в контексте дискуссий о данном государственном образовании. Советская историография однозначно утверждала, что БНР не могла быть опытом белорусской государственности и поэтому не видела оснований для того, чтобы вести речь о дипломатии БНР. В постсоветской историографии представлены как сторонники такой точки зрения, так и их оппоненты. По мнению автора, аргументы последних представляются убедительными.

По логике вещей, власть в Беларуси должна была принадлежать силам, которые уполномочивал белорусский народ. После февральской революции 1917 г. в России представители белорусского национального движения пришли к выводу о том, что возник исторический шанс для решения белорусского вопроса на действительно демократических началах. Об этом свидетельствовал съезд белорусских национальных организаций в Минске, который начал свою работу 25 марта 1917 г. Итоговая точка в истории данного форума была поставлена 27 марта 1917 г. Именно благодаря решению этого съезда начал отсчет своего существования Белорусский национальный комитет (БНК). Члены БНК были едины в том, что Беларусь должна иметь автономию в составе Российской демократической федеративной республики. Согласно решениям съезда БНК должен был найти единый знаменатель позиций по данному вопросу с Временным правительством. Был определен